

# НЕСРАВНЕННЫЙ ПЕВЕЦ

Я вспоминаю наш разговор с Николаем Гяуровым в Милане несколько лет тому назад: «Вряд ли нам, певцам, надо выступать в роли рецензентов, очеркистов... На то существуют специалисты — профессиональные критики, мнение которых беспристрастнее, оценка иногда интересна, иногда спорна, но всегда нужна нам, исполнителям».

Однако, думаю, непосредственное творческое общение с певцом на протяжении десятилетия, регулярное совместное участие в спектаклях Большого театра и театра «Ла Скала» (в итальянских постановках русских опер), позволившее наблюдать его работу над образом, быть живым свидетелем результатов этой работы, актерских триумфов артиста, позволяет мне поделиться мыслями и впечатлениями от новой встречи в Москве с болгарским артистом Николаем Гяуровым, великим певцом нашего времени.

Эпитет «великий» применяют к творчеству Николая Гяурова не случайно. И право же, в нем нет преувеличения. Не только потому, что им постоянно награждается в мировой прессе артист. За последние годы мне неоднократно приходилось выезжать для участия в оперных постановках самых разных театров, в разных странах мира, встречаться с лучшими певцами. И нигде ни разу я не слышала баса, равного по силе, по красоте тембра, каким обладает Николай Гяуров. Не говоря уже о беспредельной и безупречной музыкальности, о блестящей кантилене, редко в

наше время встречающейся. Не говоря, наконец, о Гяурове — певце-актере, исполняющем весь басовый репертуар.

...И вот гастроли Николая Гяурова в Москве. «Дон Карлос» на сцене Кремлевского Дворца съездов. За многие годы мне впервые удалось увидеть своего коллегу, партнера «со стороны», глазами зрителей.

Какой потрясающий своей выразительностью образ создает Николай Гяуров! Благородство осанки. Один поворот головы, один скупой жест, взгляд — и за всем этим цельный человеческий характер — внутренне сдерживаемая, разъяренная сила деспота, жестокого властителя короля Филиппа. «Диалог» с маркизом ди Поэза, с Великим инквизитором — какое богатство оттенков, красок в голосе и какая естественность, простота «жизни» на сцене: ни одного лишнего жеста, ни одного штриха «на публику».

Зал с первого акта оперы восторженно отреагировал на исполнение Н. Гяурова. А эта поддержка для артиста очень важна. Ведь певца, по существу, не очень длинный. Как сказал в разговоре со мной один зарубежный дирижер, судьба вокалиста подобна траектории камня, брошенного вверх, который взлетает, немного задерживается в воздухе и стремительно падает. И у вокалистов часто стреми-

тельный подъем и стремительный спад. Поэтому каждая встреча зрителей с прославленным вокалистом радости, желанна и волнующа: каким услышит публика своего

Ирина  
АРХИПОВА,  
народная артистка  
СССР

любимца — на подъеме или на спаде? Почитатели таланта Н. Гяурова пришли, услышали и убедились, что он стал еще лучше: голос возмужал, словно стал могучее, плотнее, гуще. А с ним возмужало, отточилось актерское мастерство. Некоторые эпизоды были на уровне высшего актерского мастерства — представителей драматической сцены. Но, конечно, кульминацией спектакля стала знаменитая ария-монолог Филиппа, широко известная слушателям по исполнению известным басом и по записям Шалыпина. Одно появление короля — сгорбленного, несчастного старика с канделябром в руке, судорожно прижимающего, словно к кровоточащему сердцу, шкатулку, которая выкрадена у любимой им Елизаветы и изобличает ее в неверности, — потрясает. Он тяжело идет через всю огром-

ную сцену, отрешенно садится в кресло, и на тончайшем пианиссимо начинается его монолог — размышление о жизни, о судьбе, о любви, о тяжести власти, приведшей его к полному одиночеству. И только один раз он «разворачивает» свой могучий голос в отчаянии от своего бессилия.

Публика восторженно требовала повторения арии, артист трижды вынужден был поклониться залу, прежде чем продолжился спектакль.

И еще о Гяурове в «Хованщине». Много раз наблюдала я артиста на репетициях и пела вместе с ним в 1967 году и в 1971 году в постановке «Хованщины» в «Ла Скала». Знаю, как он работал над этим образом, с какой тщательностью, скрупулезностью вникал в сложнейший русский характер. Часто возникает вопрос, почему Н. Гяуров выступает в партии Ивана Хованского, а не Досифея (его, как принято, у нас всегда поет первый бас). Однако сам Мусоргский, назвав свою оперу «Хованщина», очевидно, не второстепенную роль отводил образу Ивана Хованского. И подтверждение тому хотя бы характеристика композитора — «бешеная порода Хованских», «на царство покушавшихся».

И Николай Гяуров, когда ему задают такой вопрос, отвечает, что и ему самому, и слушателям Италии, гораздо интереснее образ Ивана Хо-

ванского: здесь больше русской истории, русского быта. «Я не могу забыть Алексея Кривченко в этой партии, его интерпретация меня всегда вдохновляла», — говорит он.

Ему приходилось часто наблюдать А. Кривченко в спектаклях Большого театра, когда он учился в Москве, когда был стажером труппы. И Иван Хованский в интерпретации Николая Гяурова стал главным действующим лицом оперы. Интересная деталь: в спектаклях «Ла Скала» Гяурову пришлось переучивать текст на итальянском языке, особенно трудно и непривычно звучала в переводе «приказка» Хованского «Спаси боги!» Я наблюдал, как, произнося ее «Dio senlog», он буквально стонал, настолько сжился с естественными русскими словами.

Самая сильная сцена у Гяурова в «Хованщине», на мой взгляд, его прощание со стрельцами. Нечеловеческая протяженность звука и такая в нем безысходность, тоска, безнадежность при огромной динамике. Хованский уходит, словно прощаясь с жизнью. И как ответ — будто вздох хора. И долго в ушах слушателя еще звучит стон бати.

Конечно, все эти словесные описания, как бы подробные, тщательно ни рассказывать о работах Николая Гяурова, не способны заменить даже в малой степени той огромной радости, художественного наслаждения, которые получаешь от каждой встречи с выдающимся талантом замечательного болгарского артиста-певца.